

Юн Шань вздрогнул и резко поднялся, а те бумаги, что были у него, с шелестом упали на пол.

Сейчас, стоя на ногах, юноша понял, что слишком напряжён. Он чувствовал себя словно натянутая струна, которая была готова порваться в любой момент, и спешно взял себя в руки. Остановив протянутую руку Чан Дэфу, наследный принц сам наклонился и медленно поднял каждую докладную записку.

Воспользовавшись этим минутным промедлением, Юн Шань успокоился и, выпрямившись, мягко улыбнулся:

— Посмотри на меня, в последнее время, когда шёл снегопад, я заскучал по урокам наставника Вана. Чан Дэфу, пойдёшь поговори пока с наставником, а я приведу одежду в надлежащий вид и сразу же приду.

Немного помедлив, Юн Ци подошёл и сказал:

— Я тоже ученик наставника Вана и я пойду с тобой, чтобы повидаться с ним.

Юн Шань, не то улыбаясь, не то нет, посмотрел на него:

— Хоть ты и слушал уроки наставника Вана, к чему тебе идти со мной?

На самом деле юноша перебил Юн Ци этим сбивающим с толку замечанием и, войдя в крытую комнату, позволил служанкам переодеть себя в официальное платье и отправился в гостиную.

Юн Шань вошёл в комнату, где сидел Ван Цзинцяо.

Чай уже был заварен, а старый учитель Ван, как всегда, был облачён в безупречную и официальную одежду чиновника. Сдержанно оправив полы одеяния и чинно сев, мужчина держал в руках пиалу и дрожащими от старости губами легонько дул, остужая чай.

Увидев наследного принца, мужчина спешно выпустил пиалу из рук и привычно поднялся на ноги.

— Ваше Высочество, — уже хотел было поприветствовать он юношу.

Однако Юн Шань, сделав шаг вперёд, вытянул руку и остановил мужчину, тепло проговорив:

— Я уже много раз говорил, что наставник Ван — мой учитель и ему воспрещается придерживать подобно рода этикета.

Поддержав под руку Ван Цзинцяо и усадив его, юноша, в свою очередь, приподнял подол платья и тоже опустился на стул.

— В последнее время был сильный снегопад, и наставник так долго не проводил уроков, что я в душе уже начал беспокоиться. Холодными вечерами уважаемому наставнику лучше укрываться теплее, иначе от холода его здоровье ухудшится. Да, кстати, я тут как раз добыл шкуру горного чанбайшаньского песца и приказал сшить из него жилет, который как нельзя лучше подойдёт в подобную погоду. — Сразу же позвав Чан Дэфу, юноша приказал: — Открой третьи ворота дворца, возьми шкуру пойманного в прошлый раз песца и принеси её наставнику Вану.

Проронив «слушаюсь», Чан Дэфу спешно отправился исполнять приказ.

Юн Шань тактично, словно мягкий ветерок и мелкий дождик, вновь справился о здоровье наставника и подарил ему вещь. Беззастенчивый Ван Цзинцяо, однако, всё же поморщился, будто пресытился, но не произнёс ни слова. Его смутное выражение лица вызывало чувство неловкости.

Следуя этикету, мужчина поднялся с места, поблагодарил наследного принца за подарки и, вновь опустившись на стул, ненадолго задумался и вскоре задал вопрос:

— Ваше Высочество ещё в расположении сыграть в го?

Юн Шань лично разложил находящийся в гостиной гобан во время визита Чжан Хуэйяо, и поскольку юноша не дал никаких распоряжений, слуги не осмелились самовольно убирать его, оставив по-прежнему лежать на столе.

Юн Шань был семи пядей во лбу и, услышав эту простую фразу, воспринял её как удар молотка, который расколол сердце. Тело сразу же напряглось, а мысли роем зажужжали в голове, однако юноша с по-прежнему невозмутимым видом спросил:

— Цинь, го, каллиграфия, живопись [1] — отец-император часто велел нам изучать эти четыре занятия. Почему? Наставник считает, что сейчас не время играть в го?

Повидавший многое Ван Цзинцяо даже не шевельнулся, лишь сухо проговорил:

— Нет. Играть в го — прекрасно. Ваше Высочество, доиграем партию?

— Хорошо.

И двое мужчин, сев за столик друг напротив друга, начали расставлять чёрно-белые камни.

Чан Дэфу вошёл в гостиную со шкурой песца в руках. Увидев склонившихся над гобаном ученика и учителя, слуга понял, что они хотят поиграть в го, поэтому не осмелился их тревожить, тихо вышел и закрыл дверь.

Юн Шань, выбрав чёрные камни, смотрел на доску. Взяв сделанный из чёрного стекла камень, юноша тихо вглядывался в лицо наставника.

Этот уже немолодой мужчина являлся доверенным старым слугой отца-императора и в такое время не явился бы без веской на то причины.

И раз он пришёл, то, значит, у него было, что сказать.

Нужно лишь спокойно ждать, когда мужчина откроет рот.

Двое людей шепотью брали камни и расставляли на гобане, так и не проронив ни слова, словно действительно всем сердцем и помыслами размышляли над каждым своим ходом. В большой гостиной воцарилась тишина, ни единого звука, ни единого шороха не было слышно.

Ван Цзинцяо молчал, Юн Шань тоже. Сдерживая себя, юноша тихо ожидал.

Поочерёдно, сначала ход наставника, затем ход ученика, и постепенно камни заняли большую часть поля. Ван Цзинцяо всё также хранил молчание, но на сердце Юн Шаня было беспокойно. С самого начала у него не было желания играть в го, и, как только он, замешкавшись, сделал несколько неверных ходов, старый наставник Ван тут же воспользовался этим и неожиданно проглотил большого дракона [2], что был в левом нижнем углу.

Юн Шань, смотря на гобан, усыпанный чёрными камнями, собирался опустить один, находящийся в его руке, и с горькой улыбкой проговорил:

— Наставник Ван действительно мастер, в этой партии я признаю своё поражение.

Ван Цзинцяо поднял голову, затуманенными старостью глазами, в которых таился тёмный блеск, посмотрел на Юн Шаня и тихо спросил:

— Ваше Высочество знает, из-за чего потерпел поражение?

Когда Юн Шань был счастлив, его ум оживлялся. Поднявшись с места, юноша подошёл к старому наставнику и, сомкнув руки, поклонился. Выпрямившись, наследный принц шёпотом проговорил:

— Глупый ученик просит о наставлении.

— Ваше Высочество умный и дальновидный юноша, к тому же превосходно играет в го. Ваш старый слуга не осмелится давать больше наставлений, — ответил Ван Цзинцяо глубоким и протяжным тоном. Мужчина попросил Юн Шаня сесть и, поразмыслив долгое время, медленно проговорил: — Если искусство го Вашего Высочества всё ещё нуждается в усовершенствовании, у Вашего слуги есть, что сказать. Только неизвестно, захочет ли наследный принц слушать или нет.

Юн Шань затаил дыхание и убедительно посмотрел на собственного наставника:

— Прошу Вас дать наставления.

— Играя с кем-то в го, прежде всего необходимо знать, кем является противник. Ваше Высочество, посмотрите на седую голову Вашего старого слуги. — Ван Цзинцяо погладил свои волосы и со вздохом многозначительно проговорил: — Ваше Высочество, Вы играете в го со мной, своим наставником. А играя с наставником, что является наиболее важным?

Что же является наиболее важным?

Юн Шань сжал губы, в мыслях промелькнуло несколько ответов, которые в итоге остались невысказанными, и юноша уступчиво проговорил:

— Прошу наставника не отказать в совете.

В глазах Ван Цзинцяо промелькнула шелковинка восхищения и, слегка кивнув, мужчина серьёзно проговорил:

— Наиболее важное — сохранять спокойствие.

— Сохранять спокойствие? — переспросил Юн Шань, словно пережёвывая и вникая в суть последней фразы.

Ван Цзинцяо уже неторопливо поднялся на ноги:

— Игра окончена, и Вашему старому слуге пора уходить.

Юн Шань заметил неловкость наставника и, выполняя долг вежливости, распрощался с ним. Также юноша понимал, что невозможно его больше задерживать, поэтому не стал больше ничего спрашивать, лишь вновь мягко и настойчиво велел заботиться о здоровье.

Чан Дэфу, снаружи услышав голоса, спешно вошёл в комнату, держа в руках шкуру песца, которую отдал Ван Цзинцяо, к тому же предусмотрительно приказал двум придворным слугам дворца наследного принца взять наставника под руки и проводить его за дверь.

Ван Цзинцяо в очередной раз поблагодарил за подарок и, вежливо отказавшись от того, чтобы Юн Шань лично проводил его, шагнул к дверям. Сделав три-четыре шага, непонятно отчего, он замедлился, развернулся и, вернувшись обратно, проговорил:

— Есть один забавный случай, который Ваш старый слуга услышал от чиновника. Расскажу Вашему Высочеству, чтобы Вы тоже посмеялись.

Юн Шань спросил:

— Что за забавный случай?

— Кажется, это случилось с женой генерал-губернатора провинции Цзянсу Су Хуаня. У этой женщины есть три брата по фамилии Сун. Отец их отца Сун был мастером давать имена. Когда в семье родился первый сын, из-за нехватки денег он назвал старшего ребёнка Сун Цяньлай [3], и впоследствии он действительно разбогател. Когда родился второй ребёнок, родители вновь отправились к своему предку, и тот сразу же назвал его Сун Минлай [4], и неожиданно это вновь стало правдой: этот второй сын единственный из всех прошёл кэцзюй [5]. Когда же родился третий ребёнок, отец Сун сразу же посоветовал сыну назвать его Сун Цилай [6]. В результате жена старика Сун, указывая на нос, начала бранить его: «Ты, умирающий старикашка, после богатства и влияния надумал поменять свою жену [7]? Мечтай!»

Эта история и впрямь была забавной, и Юн Шань улыбнулся:

— Этот господин Сун чудак: чтобы дать своим сыновьям имена, так много думал.

Ван Цзинцяо промолчал и затем медленно проговорил:

— Чтобы дать своим сынам имена, какой отец не стал бы долго думать? Все родители достойны восхищения, об этом и речи быть не может.

Закончив говорить, мужчина вновь откланялся, повернулся и, волоча за собой старую тень, медленно удалился. Юн Шань, провожая взглядом наставника, непрерывно обдумывал сказанные слова и, покинув гостиную, медленно шёл по галерее в направлении комнаты.

Ван Цзинцяо, хорошо изучавший Лао-цзы и Чжуан-цзы, являлся общепризнанным придворным мудрецом. Казалось, что его слова были неосознанными, к тому же они могли разжечь основы, они звучали ясно, но в то же время в них таилась некая загадка. Всем сердцем понимая, на что он хочет обратить внимание, он, однако же, препровождает человека по бесчисленному количеству направлений, прежде чем всё становится понятным.

Подвергшись упрёкам Ван Цзинцяо, Юн Шань был в смятении, душа, что пребывала в воздухе и рухнула в холодную воду, слегка поднимаясь и покачиваясь вслед за волнами, всё ещё не могла коснуться земли.

Великолепный наследный принц, чьё расшитое парадное платье лишь частично прикрывало ноги, которые, наступая в шипы терновника, окрашивались алой кровью и изнывали от неопишуемой боли, по-прежнему не мог показать своих мучений. Даже их частичку.

Погружённый в мысли, Юн Шань делал вид, что прогуливается. Уже подходя к комнате, юноша услышал за дверью голос Юн Линя.

— Хороший старший брат, позволишь мне коснуться тебя? Обещаю, я лишь слегка и никоим образом не причиню тебе вреда.

Юн Шань нахмурил брови и, внезапно ускорив шаг, толкнул дверь, врываясь в комнату.

Юн Ци сидел на краю кровати, а Юн Линь стоял перед ним, согнувшись, и вертел головой, чтобы заглянуть в лицо старшего брата.

Услышав за спиной шорох, Юн Линь обернулся и, посмотрев на брата-близнеца так, как будто увидел войска, подошедшие на выручку, спешно проговорил:

— Старший брат, скорее подойди и посмотри, есть ли у старшего брата Юн Ци ухудшения. Мне показалось, что с ним что-то не так. Подумал потрогать лоб, может, он очень горячий, а старший брат, как назло, не позволяет мне это сделать.

После того как Юн Шань услышал и понял причину, он изменился в лице и стал искренним. Юноша подошёл к Юн Ци и спросил:

— Как себя чувствует старший брат? Эта болезнь постоянно возобновляется и может вызвать головную боль.

Вытянув руку и приложив её ко лбу Юн Ци, проверяя, Юн Шань испугался:

— Утром всё было хорошо, так почему же сейчас поднялся такой жар? Скорее ложись.

Стоящему в стороне Юн Линю стало тяжело на душе.

Раньше он с Юн Ци был очень близок, а после случившегося старший брат словно стал другим, отчуждённым, не таким, как обычно.

Не говоря уже о потворстве и чрезмерной любви, что были раньше, сейчас юноша не позволял даже дать потрогать свой лоб, словно был болен поветрием.

Однако к близнецу, который до этого вёл себя крайне недружелюбно, появились двойственные

и неопределённые чувства.

С чего вдруг, стоило Юн Шаню протянуть руку, старший брат тотчас же замер в покорности?

Словно пресытился быть нерешительным.

— Юн Линь, сходи за придворным лекарем, — приказал Юн Шань, помогая Юн Ци лечь в постель.

Хотя чувствуя на сердце кислый вкус, юноша придавал значение болезни старшего брата и послушно отозвался:

— Понял, мигом помогу.

Юн Линь ушёл, оставив в комнате двух братьев наедине.

Воцарились безмятежность и покой, словно в мгновение ока невидимая сумятица, давящая на разум, исчезла.

Двое юношей, встретившись взглядами, тотчас же вновь отдалились, большая комната словно стала маленькой и заставила глотать воздух ртом.

Юн Шань опустил взгляд и без слов помог Юн Ци укрыться одеялом. Помолчав немного, юноша шёпотом проговорил:

— Я знаю, что старшему брату есть, что сказать, только он не хочет этого мне говорить. Невзирая на то, хорошее это или же плохое, лучше старшему брату смилостивиться и рассказать всё, что у него на сердце.

Говоря это, юноша на самом деле подразумевал любовное зелье, однако у Юн Ци мысли были совершенно о другом. В голове появились лишь два слова: «украл письмо»!

Дрожа в душе, юноша поднял влажные, так похожие на чёрный агат глаза и посмотрел на Юн Шаня.

На лице отразился страх.

А в мыслях пронеслось: «Он действительно всё знает».

Смерть, нависшая над головой, сейчас пугала, как никогда.

Юн Ци задрожал всем телом, его губы внезапно посинели, потом они окрасились в фиолетовый, зубы застучали, выбивая дробь. Неожиданно ужас охватил тело, которое словно было готово от дрожи разбиться на множество осколков.

Юн Шань даже подумать не мог, что от одной сказанной им фразы Юн Ци сразу же разнервничается, и, придя в смятение, юноша проговорил:

— Старший брат, не спеши, переведи дыхание, потом всё обсудим. — Душу бесконечно терзали муки совести, юноша глубоко ненавидел себя за тот день, когда страстно возжелал овладеть телом старшего брата и неожиданно совершил подобную глупость.

Такой чистый и невинный человек, как старший брат, не смог вынести подобного.

Кто бы мог подумать, что от одного лишь упоминания он так взволнуется.

Юн Шань, заключив Юн Ци вместе с одеялом в крепкие объятия, умоляюще заговорил:

— Старший брат, старший брат, не нужно бояться меня. Делай всё, что захочешь, только не надо так со мной...

В голове Юн Ци творился полный хаос, однако, услышав шесть слов Юн Шаня «только не надо так со мной», юноша почувствовал боль, словно шесть клинков вонзились в душу. Лезвия проникли так глубоко, что вытащить их не представлялось возможным. Его тело дрожало от боли, и, вытянув дрожащие руки из-под одеяла и с силой обняв Юн Шаня, старший брат закусил губу, продолжая хранить молчание.

Заметив, что юноша высвободился, Юн Шань сначала посчитал, что он хочет оттолкнуть его, но, кто бы мог подумать, что Юн Ци, как раз наоборот, обнимет его и не отпустит. Юноша в душе изумился и в один миг погрузился в океан, наполненный солнечным светом и теплом, его глаза излучали радость.

Двух юношей отделяло лишь одно мягкое одеяло, однако они обнимали друг друга так, словно вечность были неразлучны.

Наклонив лицо, Юн Шань мягко поправил волосы на висках Юн Ци и ласково проговорил:

— Любимый старший брат, тебе стало лучше?

Находясь в его объятиях, Юн Ци время от времени дрожал, как и его губы, которые через некоторое время разомкнулись, и юноша хрипло сказал:

— Ты... ты всё ещё готов называть меня любимым?

Юн Шань словно оживился, охваченный бесконечной радостью, он не сдержался и, жарко поцеловав щёку, лишь проговорил:

— Для меня ты любимый и всегда будешь им. Любимый старший брат, мне не следовало делать то, что я натворил. Прости меня за всё.

Охваченный переживаниями Юн Шань не обращал внимания на скорый визит придворного лекаря и лишь прижимался к губам Юн Ци.

Нежно посасывал их.

Заметив, что старший брат покорно принимает его ласки и не отталкивает, Юн Шань думал, что всё это чудесный сон, но никак не явь.

Однако ощущения, как раз наоборот, были реальными.

Юноша вновь попытался отстраниться от губ Юн Ци, и последний замер в коротком ожидании. Его глаза были полны смешанных чувств: печали, страха, сомнения, надежды. Всё смешалось, заставляя слёзы, что стояли в глазах, задрожать.

Юн Шань заглянул в его глаза: они действительно были самыми красивыми в Поднебесной, а сам юноша был похож на попавшегося в ловушку зайчонка, которого хотелось, помимо воли, погладить, приласкать и окружить нежностью.

Юноша спросил:

— Старший брат, давай помиримся. А всё, что было, забудем, хорошо?

Юн Ци в растерянности посмотрел на него и робко спросил:

— Ты действительно сможешь всё забыть?

— Если старший брат смог всё забыть, то почему мне нельзя?

Юн Ци не решался верить и дважды помотал головой. На утончённом лице читался страх, в тяжёлом дыхании чувствовалось сомнение и напряжённость, юноша робко произнёс:

— Тебе не стоит обманывать меня.

— Я не обманываю старшего брата.

Люб Юн Ци был горячим, в душе тугая струна ослабла, а сам юноша, почти падая в обморок, запинаясь, проговорил:

— Юн Шань, Юн Шань, отныне ты... ты будешь относиться ко мне с любовью?

Наследный принц обомлел и, стиснув зубы, проговорил:

— Если я буду с тобой дурно обходиться, то пускай меня заслуженно накажет отец-император и, свергнув с престола, посадит во Дворец Наказаний, где я с радостью приму смерть.

Густые ресницы Юн Ци беспрерывно захлопали, и горячие слёзы обожгли кожу.

Горло сдавило, и старший брат совершенно не мог ничего сказать, лишь подумал: «Почему он не оставляет эту зловещую клятву жизни, ведь Юн Шань действительно не должен говорить таких слов».

Однако в глубине души юношу охватывало смутное спокойствие.

Что раньше считалось для него навечно утерянным, кажется, всё ещё могло вернуться.

Юн Ци в руках Юн Шаня задыхался от нахлынувших слёз.

Охваченное жаром тело сжалось в объятиях младшего брата, от слёз выступил пот, и скопившиеся за много дней беспокойство и горечь в редкий момент закипели, вырываясь наружу.

Он совсем не хотел терять этого некогда вгоняющего в дрожь и пугающего его человека, от которого хотелось убежать подальше.

Юноше было невыносимо навсегда потерять глубокую и раскаявшуюся любовь этого младшего брата.

Раньше Юн Ци совершенно не знал, что на земле есть такое сокровище, не ведал и поэтому не обращал на него внимания.

Теперь, узнав о нём, юноше больше не хотелось выпускать его из рук.

Двое братьев, ещё недавно относящиеся друг к другу с осторожностью и холодом, словно разделённые невидимой стеной, сейчас держали друг друга в объятиях, внезапно осознав, что недостающая частичка сердца вновь вернулась.

Они длительное время обнимались; как хотелось, чтобы небо и земля замерли, чтобы солнце не восходило и не близилось к закату, чтобы заботы об императорском престоле и чьей-либо жизни больше не докучали!

Однако это желание, всего лишь желание.

Раздался звук шагов, и кто-то, подняв дверную занавеску, спешно вошёл в комнату.

— Ваше Высочество, — Чан Дэфу, встав за спиной наследного принца, нервно проговорил, — пришёл высочайший указ.

Сердце Юн Шаня внезапно забилося быстрее.

Скрывающийся в объятиях младшего брата, Юн Ци чувствовал себя лучше. Но, внезапно услышав о высочайшем указе, юноша вспомнил, что давно не было встреч с отцом-императором, поэтому волей-неволей испугался и обеспокоенно спросил:

— Почему вдруг отец-император направил людей объявить высочайшую волю?

Наследник престола спокойно улыбнулся:

— Старший брат также является золотыми ветвями и яшмовыми листьями. Почему, услышав про высочайший указ, ты сразу так испугался? Я наследный принц, и отец-император, естественно, часто присылает указы, здесь нет ничего необычного.

Позволив Юн Ци вновь вернуться в постель, Юн Шань дал наставление:

— Поспи немного, подожди, пока Юн Линь приведёт придворного лекаря. Пусть он проверит твой пульс. — И юноша развернулся, собираясь уйти.

Юн Ци схватил его за рукав и, увидев, что Юн Шань обернулся, приподнялся в постели.

— Не обязательно звать придворного лекаря, я на самом деле не серьёзно болен. — Щёки юноши окрасились румянцем, а сам Юн Ци, немного помедлив, прошептал: — Эта сердечная боль сегодня быстро прошла, и теперь всё в порядке.

Когда Юн Шань услышал, что его робкий старший брат так смело говорит эти слова, он одновременно и удивился, и обрадовался. Некоторое время юноша не знал, что сказать, и, посмотрев на брата влюблённым взглядом, произнёс:

— Старший брат, дождись меня.

Юноша обернулся и, позвав с собой Чан Дэфу, широкими шагами вышел из комнаты.

Примечания:

[1] Полная фраза звучит: игра на цине, шахматы, каллиграфия, живопись, поэзия, вино, чай — семь занятий благородного мужа.

[2] Камни эпохи династии Мин (1368-1644 гг.) с изображением дракона.

[3] Кит. «приходящие деньги».

[4] Кит. «приходящая известность».

[5] Старая, до 1905 г., система государственных экзаменов в Китае для получения учёной степени и права поступления на должность.

[6] Кит. «мастер в го».

[7] Тут игра слов: иероглифы разные, но звучат одинаково «Сун Цилай», только во втором случае означают «поменять жену».

<http://bllate.org/book/13372/1189607>